

А.Д. Попов
Н.Ю. Пивоваров*

A.D. Popov
N.Yu. Pivovarov*

**Демонстрация дискурсивной власти:
высшее партийное руководство СССР
и организация празднования
1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы)****

**Demonstration of Discursive Power: the
Top Party Leadership of the USSR and
Organizing the Celebration of May 1
and November 7 (1950–1960s)****

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-4

УДК 94(47).084.9:323.23

Выходные данные для цитирования:

Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю. Демонстрация дискурсивной власти: высшее партийное руководство СССР и организация празднования 1 мая и 7 ноября (1950–1960-е годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 59–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-04.pdf>

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-4

How to cite:

Popov A.D., Pivovarov N.Yu. Demonstration of Discursive Power: the Top Party Leadership of the USSR and Organizing the Celebration of May 1 and November 7 (1950–1960s) // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 59–73. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-04.pdf>]

Abstract. The article analyzes the activities of the supreme political body of the USSR (Politburo/Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union) to prepare for the two most important official holiday dates – the Holiday of International Solidarity of Workers (May 1) and the Anniversary of the Great October Socialist Revolution (November 7) in the 1950–1960s. The role of the top party leadership of the USSR in the preparation and conduct of the most important festive events is described (including a military parade and a mass demonstration of workers in Red Square in Moscow). The authors conclude that official political holidays in the Soviet Union of the 1950s and 1960s continued to play the same functions (presentation, consolidation, mobilization) as during the Stalin period. At the same time, it is shown that the Politburo/Presidium of the Central Committee of the CPSU in the process of preparing for the holidays pays increasing attention not to script, but to discursive issues, which was expressed in the collegial process of editing and approving various texts of political discourse (solemn speeches, orders, festive appeals).

Keywords: holiday; festive culture; power; society; ideology; political discourse; demonstration; parade; Soviet Union.

The article has been received by the editor on 13.10.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проанализирована деятельность высшего органа политической власти СССР (Политбюро/Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза) по подготовке к двум важнейшим официальным праздничным датам – Празднику международной солидарности трудящихся (1 мая) и годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) в 1950–1960-е гг. Охарактеризована

* **Попов Алексей Дмитриевич**, кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru

Popov Aleksei Dmitrievich, Candidate of Historical Sciences, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: popalex79@mail.ru

Пивоваров Никита Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

Pivovarov Nikita Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia, e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00218.

Funding: the research was funded by RFBR, project number 20-09-00218.

роль высшего партийного руководства СССР в подготовке и проведении важнейших праздничных мероприятий (включая военный парад и массовую демонстрацию трудящихся на Красной площади в Москве). Авторы приходят к выводу, что официальные политические праздники в Советском Союзе 1950–1960-х гг. продолжали играть те же функции (презентационную, консолидирующую, мобилизационную), что и в сталинский период. При этом показано, что Политбюро/Президиум ЦК КПСС в процессе подготовки к праздникам уделяло все большее внимание не сценарным, а дискурсивным вопросам, что выражалось в коллегиальном процессе редактирования и утверждения разнообразных текстов политического дискурса (торжественных речей, приказов, праздничных призывов).

Ключевые слова: праздник; праздничная культура; власть; общество; идеология; политический дискурс; демонстрация; парад; Советский Союз.

Феномену советского политического праздника/празднования в контексте взаимоотношений власти и общества посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей¹, причем в хронологическом отношении их основное внимание обращено на период между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной. Это было время генезиса и начальной эволюции советских праздничных традиций, происходивших на фоне кардинальных социально-политических преобразований внутри страны, декларирования курса на мировую революцию, гипертрофированного классового антагонизма, агрессивного атеизма, а затем и сталинского культа личности. Акцент на изучение периода 1920–1930-х гг. характерен не только для обобщающих работ, но и для публикаций, анализирующих отдельные составляющие советского политического праздника, например, дискурсивное содержание приуроченных к 1 мая и 7 ноября политических лозунгов². В то же время относительно немногочисленными остаются работы по истории праздничной культуры позднесоветского периода, несколько смещающие фокус исследовательского интереса на личностно-персональный уровень восприятия главных праздников СССР³ и процесс рутинизации праздничных торжеств⁴. Характеристике общественно-политической, а также культурно-символической эволюции празднования 7 ноября на протяжении советского и постсоветского периодов посвящены относительно недавние публикации С.Ю. Малышевой⁵ и В.В. Тихонова⁶, появление которых было обусловлено академической рефлексией в связи со 100-летием Октябрьской революции.

¹ Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020; Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; McDowell J. Soviet Civil Ceremonies // Journal for the Scientific Study of Religion. 1974. Vol. 3. № 13. P. 265–279; Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000.

² Азарова П.Е. Праздничные лозунги 1920–1930-х гг. в советской системе социальной мобилизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 264–268; Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141.

³ Келли К., Сиротина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.

⁴ Нечипорук Д.М. «Московский Первомай – это рутинизация»: освещение американской прессой празднования 1 Мая как ритуального действия (1965–1985 гг.) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 46–52 [Электронный ресурс]. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (дата обращения: 25.09.2021); Деннингхаус В., Савин А.И. Леонид Брежнев: публичность против сакральности власти // Российская история. 2012. № 4. С. 179–194; Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 230–241.

⁵ Малышева С.Ю. Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. Вып. 1 (44). С. 140–141.

⁶ Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Начиная с 1918 г. 1 мая (первоначально – День Интернационала) и 7 ноября (первоначально – День Пролетарской революции) являлись главными политическими праздниками советского общества⁷. Несмотря на последующие корректировки официального названия, они сохранили свой статус и свою значимость на протяжении всего периода существования СССР. При этом среди них с идеологической точки зрения более важной была дата 7 ноября (по новому стилю), связанная с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. Данное событие являлось политическим «мифом основания» (foundation myth) советского проекта и провозглашалось точкой отсчета новой исторической эры для всего человечества⁸.

В большинстве исследований сценарии и дискурсы двух главных праздников СССР напрямую связываются с реализацией политико-идеологических и социально-психологических задач. Так, С.Ю. Малышева важнейшей среди них называет демонстрацию военно-политической мощи страны и достижений социалистического строительства, а также укрепление советской идентичности⁹. По мнению немецкого историка Мальте Рольфа, советские парады и демонстрации символическими средствами указывали на характер взаимоотношений и дистанцию между властью и обществом, а также через роль индивида в праздничном сценарии маркировали его место в социальной иерархии. На основе анализа значительного количества источников М. Рольф демонстрирует, как к середине 1930-х гг. произошло качественное изменение советской «праздничной хореографии»: «митинг вокруг омываемой массой трибуны» был превращен «в движение маршевых колонн мимо недостижимого вождя»¹⁰. На эту же тенденцию в своей работе по истории советских ритуалов указывает и В. Глебкин¹¹. Также он высказывает предположение о культурно-генетической связи демонстраций советского периода с дореволюционными православными крестными ходами, а не с массовыми политическими шествиями трудящихся в Западной Европе. Кроме того, по утверждению В. Глебкина, для советской праздничной демонстрации основную семантику процесса определяло «осознание принадлежности к некоторой целостности»¹².

Текущая историографическая ситуация демонстрирует достаточно значительное внимание исследователей к феномену политического праздника в СССР, однако делает актуальным вопрос о том, в какой степени и в каких направлениях трансформировался описанный в уже упомянутых работах предшественников официальный праздничный канон в постсталинскую эпоху. Именно поэтому авторы данной статьи выбрали для анализа праздничные сценарии 1950–1960-х гг., которые с точки зрения традиционной периодизации советской истории относятся к трем различным историческим периодам – «позднему сталинизму», «оттепели» и началу «застоя». В качестве основного источника были использованы документы тематических дел Политбюро ЦК, хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Их высокая эвристическая ценность связана с тем, что именно на уровне высшего партийного руководства СССР традиционно решались все ключевые вопросы, связанные с организацией проведения и концептуальным содержанием таких знаковых с идеологической точки зрения мероприятий, как празднование 1 мая (Международный праздник солидарности трудящихся) и 7 ноября (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции).

В 1920–1930-е гг. сформировалась практика двухдневного периода нерабочих дней для главных политических праздников страны (1–2 мая и 7–8 ноября), а также устойчивый канон их подготовки и проведения на официальном уровне. Он включал в себя два основных направления: 1) сценарно-реквизитное – проведение приуроченных к 1 мая и 7 ноября публичных мероприятий (демонстраций, военных парадов, торжественных собраний и митингов, праздничных концертов), а также праздничное декорирование обще-

⁷ Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»... С. 32.

⁸ Малышева С.Ю. Эволюция исторической мифологии... С. 140–141; Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках... С. 93.

⁹ Малышева С.Ю. Эволюция исторической мифологии... С. 140–141.

¹⁰ Рольф М. Советские массовые праздники... С. 158–160.

¹¹ Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 100–101.

¹² Там же. С. 94–97.

ственных пространств с использованием многочисленных атрибутов наглядной агитации; 2) дискурсивное – создание текстов официальных поздравительных речей, лозунгов-призывов, рапортов и обязательств трудящихся и пр.

Знакомство с находящимися на хранении в РГАНИ документами высшей партийной инстанции за весь рассматриваемый период, а также выборочно – за предыдущие и последующие десятилетия, дает основание утверждать, что сценарно-реквизитному обеспечению празднования 1 мая и 7 ноября советские лидеры уделяли меньшее внимание, чем дискурсивной составляющей. Причем это в одинаковой степени касалось как первомайских торжеств, так и революционных годовщин. Однако следует уточнить, что подготовка к юбилеям Великой Октябрьской социалистической революции имела более сложное администрирование и сопровождалась принятием серии специальных постановлений, в которых намечались основные подготовительные мероприятия по направлениям издания печатной продукции, создания документальных и художественных фильмов, а также по организации различных творческих мероприятий (фестивалей, спектаклей, выставок), в том числе за рубежом. Специфика подготовки и проведения именно юбилейных ноябрьских торжеств в рассматриваемый период подробно раскрывается в работах Г.А. Бордюгова¹³, О.Ю. Никоновой¹⁴ и особенно А.Л. Махнырёва¹⁵.

Говоря о подготовке к главным советским политическим праздникам на высшем уровне, прежде всего, следует обратиться к **сценарно-реквизитной составляющей**. Судя по документам Политбюро/Президиума ЦК КПСС, этой инстанцией утверждались лишь очень общие сценарные концепции двух важнейших праздничных мероприятий, проходивших на Красной площади Москвы – военного парада и демонстрации трудящихся.

На протяжении всего рассматриваемого периода в ходе празднования 7 ноября ежегодно проводились военные парады на Красной площади, а для 1 мая эта же традиция сохранялась до 1969 г.¹⁶ Количество участников военных парадов на Красной площади в связи с празднованием 1 мая и 7 ноября на протяжении 1950-х – начала 1960-х гг. было сопоставимым, относительно стабильным и составляло около 5–5,5 тыс. военнослужащих различных родов войск¹⁷. Начиная с 1963 г. количество участников военных парадов на Красной площади увеличилось до 8–10 тыс. военнослужащих¹⁸. Предложения министров обороны СССР, адресованные Политбюро/Президиуму ЦК КПСС, всегда содержали точное количество военнослужащих, которые должны были принять участие в параде, а также наименование и количество единиц боевой техники, которая будет представлена, причем все эти данные подавались в сравнении с предыдущим парадом. Также указывалась расчетная продолжительность парада (обычно в диапазоне от 35 минут до 1 часа), персоналии командующего парадом и принимающего парад¹⁹. Объем документов с такими предложениями обычно составлял всего 2–3 страницы и, по всей видимости, они не вызвали каких-то значимых дискуссий. В очень редких случаях из военного ведомства в высшую партийную инстанцию поступали дополнительные материалы по порядку проведения парада, например, обоснование отмены авиационной части парада в конкретный год или информация о невозможности представить какой-то образец военной техники по тем или иным причинам.

¹³ Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 18–89.

¹⁴ Никонова О.Ю. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 743–757.

¹⁵ Махнырёв А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб., 2019.

¹⁶ Последний военный парад на Красной площади, приуроченный к Дню международной солидарности трудящихся, состоялся в 1968 г. Кроме того, в 1965 г. в связи с празднованием 20-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне военный парад был перенесен с 1 мая на 9 мая.

¹⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 210. Л. 14–16, 69–70; Д. 213. Л. 97–99; Д. 244. Л. 4–5.

¹⁸ Там же. Д. 262. Л. 4.

¹⁹ См., например: Там же. Д. 252. Л. 5–6.

Также в преддверии 1 мая и 7 ноября на рассмотрение Политбюро/Президиума ЦК КПСС всегда представлялись общие планы праздничных мероприятий в Москве, включающие в себя и краткое описание концепции праздничного оформления столицы. Эти документы, как правило, содержали лишь 1–2 страницы текста и подавались от имени руководителя Московского городского комитета КПСС с завершающей фразой типа «Просим Ваших указаний» или «Просим рассмотреть наши предложения»²⁰.

После окончания военного парада Красная площадь становилась местом проведения массовой праздничной демонстрации трудящихся города Москва. В начале 1950-х гг. количество участников первомайских и ноябрьских демонстраций, проходивших на главной площади страны и продолжавшихся 3–3,5 часа, составляло до 600 тыс. чел.²¹, а на трибунах для почетных гостей размещалось до 10 тыс. чел.²² С середины 1950-х гг. продолжительность этих демонстраций составляла уже 2,5–3 часа с количеством участников до 500 тыс. чел.²³ В 1960-е гг. московские парады в праздничные дни 1 мая и 7 ноября длились 2–2,5 часа при участии 200–250 тыс. человек.²⁴ В первомайских демонстрациях хрущевского периода, как и в сталинских торжествах, роль авангардного отряда выполняли колонны физкультурников – членов добровольных спортивных обществ. Сохранилась и особая роль школьников-пионеров, которая в том числе заключалась в ритуале вручения цветов находящимся на трибуне советским руководителям и почетным зарубежным гостям. Но основную массу участников демонстрации все же составляли рядовые трудящиеся учреждений и предприятий Москвы²⁵.

Особое внимание уделялось праздничному оформлению Красной площади. Здание Государственного универсального магазина (ГУМ) декорировалось портретами В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, а также тематическими художественными панно. Перед зданием ГУМа устанавливались флажштоки с флагами СССР и союзных республик, а на стенах Кремля размещались изображения гербов СССР и союзных республик. Большое внимание уделялось также оформлению других площадей и магистралей города. Важнейшими элементами оформления публичных пространств являлись портреты основателей марксизма-ленинизма и членов Политбюро/Президиума ЦК КПСС, флаги, транспаранты с текстами праздничных призывов ЦК КПСС. В вечернее время зажигалась праздничная иллюминация и организовывались массовые народные гуляния²⁶. В праздничном оформлении 1961 г. в связи с успешным орбитальным полетом Ю.А. Гагарина отдельный акцент был сделан на космической тематике. В частности, на Лобном месте был установлен макет космической ракеты²⁷. При этом следует отметить практически полное отсутствие (за единичными исключениями) в «праздничных» делах Политбюро/Президиума ЦК КПСС документов с художественными визуализациями праздничного оформления – имеются лишь очень краткие словесные описания.

До смерти И.В. Сталина одним из самых распространенных предметов праздничного реквизита являлись его портретные изображения. Такая практика, существовавшая несколько десятков лет, стала подвергаться пересмотру в постсталинский период. 9 мая 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял достаточно революционное по своему содержанию постановление, предусматривавшее полный отказ от использования портретов государственных и

²⁰ См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 252. Л. 51.

²¹ Для сравнения – 7 ноября 1927 г., когда отмечалось 10-летие Октябрьской революции, официально объявленное количество участников демонстрации на Красной площади составило 1 млн чел. (Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках... С. 98).

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 209. Л. 95.

²³ Там же. Д. 211. Л. 3.

²⁴ Там же. Д. 212. Л. 9, 80; Д. 262. Л. 13.

²⁵ См., например: Там же. Д. 210. Л. 18; Д. 212. Л. 121.

²⁶ См., например: Там же. Д. 244. Л. 9–10.

²⁷ Там же. Д. 252. Л. 51. Подробнее о влиянии первого космического полета на празднование 1 мая 1961 г. см.: Попов А.Д. Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 3 (54). С. 29–37.

партийных деятелей при оформлении зданий и колонн демонстрантов в дни официальных праздников. Предлагалось ограничиться государственными флагами, призывами, диаграммами с показателями достигнутых успехов²⁸. Изученные нами документы не содержат информации о причинах принятия такого решения, однако можно предположить, что это было связано именно с неоднозначностью в ситуации с использованием портретов И.В. Сталина во время празднования 1 мая 1953 г. Однако спустя два месяца, в июле 1953 г., это постановление было отменено²⁹ и портреты с изображениями советских руководителей по-прежнему оставались важной частью визуального ряда праздничных торжеств. При этом в 1953–1956 гг. наличие некоторого количества портретов И.В. Сталина у участников первомайских и ноябрьских демонстраций все же было санкционировано высшей партийной инстанцией. В апреле 1956 г. Секретариат ЦК КПСС через советских послов даже передал лидерам ряда стран народной демократии специальное сообщение-разъяснение, в котором говорилось о том, что «участникам демонстраций [будет] представлена возможность нести портреты Сталина и других деятелей по своему усмотрению»³⁰. Даже во время подготовки к 40-летию Октябрьской революции, т.е. уже после XX съезда КПСС, областным комитетам компартии давалось поручение обеспечить наличие на праздничных демонстрациях «некоторого количества портретов Сталина», но при этом не рекомендовалось использовать их для стационарного праздничного оформления общественных пространств³¹. Однако на рубеже 1950–1960-х гг. изображения «вождя народов», по всей видимости, полностью исчезают из официально санкционированной праздничной атрибутики. А незадолго до празднования 7 ноября 1961 г. исчезает и надпись «Сталин» со здания Мавзолея на Красной площади, выполнявшего функции главной праздничной трибуны страны.

Как уже отмечалось в обзоре историографии, презентационная роль официальных праздничных мероприятий в СССР всегда была очевидна. Но в 1950–1960-е гг. ситуация складывается таким образом, что в процессе достижения желаемого демонстрационного эффекта более значительное внимание, нежели в предыдущие периоды, обращается на зарубежную аудиторию. Апелляция к реальному или лишь воображаемому «оценивающему» взгляду зарубежного наблюдателя всегда присутствовала в советской культуре, ее символическом порядке и дискурсивном пространстве³². При этом советские праздничные парады и демонстрации создавали прекрасные возможности для визуальных инсценировок, которые теперь с большей степенью вероятности становились достоянием зарубежной аудитории, нежели в 1920–1930-е гг., что обеспечивалось как увеличением количества иностранных гостей-зрителей, так и новыми возможностями средств массовой информации. В связи с этим приведем характерную цитату из речи Н.С. Хрущева на торжественном праздничном обеде с участием зарубежных гостей, который состоялся 1 мая 1964 года: «То, что мы сегодня увидели³³ на Красной площади, наполняет сердца радостью и гордостью за советский народ, за великое дело Ленина, которое дало на советской земле такие замечательные плоды. Наши *иностранные гости увидели* реальное подтверждение громадных достижений советского народа, строящего коммунизм, сплоченность советских людей вокруг своей партии, их твердую решимость идти ленинской дорогой к победе коммунизма! <...> Сегодня мы видели, как по Красной площади шли радостные советские люди, гордые своими успехами и уверенные в своих дальнейших победах». Далее он подчеркнул демонстрационный эффект от военного парада: «Наши *иностранные гости увидели* сегодня могучую военную технику, созданную Советским Союзом. Думаю, что они хорошо поняли, что такую технику, такое вооружение может создать страна, обладающая первоклассной

²⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 209. Л. 92.

²⁹ Там же. Л. 93.

³⁰ Там же. Д. 210. Л. 92.

³¹ Махнырёв А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября... С. 87–88.

³² Подробнее см.: Голубев А.В. Западный взгляд и западный наблюдатель в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. СПб., 2018. С. 219–253.

³³ Здесь и далее в цитатах выделено нами. – Авт.

индустрией, высокообразованным рабочим классом, замечательными учеными, инженерами и техниками»³⁴.

Учитывая резкий рост интереса к Советскому Союзу после первого в мире полета в космос Ю.А. Гагарина, накануне 1 мая 1961 г. британские телерадиовещательные компании впервые обратились с просьбой разрешить прямую трансляцию первомайских официальных мероприятий на Красной площади для аудитории Великобритании и ряда других европейских стран. Естественно, что окончательное решение по данному вопросу принималось Президиумом ЦК КПСС, который разрешил осуществлять такие трансляции, но с определенными организационно-техническими условиями, позволявшими советской стороне частично контролировать и видеоряд, и сопровождавший его дикторский текст³⁵.

Определенные организационные новации были связаны с тем, что со второй половины 1940-х гг. уже был сформирован достаточно устойчивый блок стран народной демократии (позже – социалистических стран), и его единство также должно было быть закреплено в официальных праздничных сценариях. Первые иностранные делегации стали приглашаться в Москву специально для участия в праздничных торжествах только с 1927 г. Как правило, это были «сборные» рабочих и активистов западных компартий, которые попадали на праздничные мероприятия в столице СССР по линии Интернационала, Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Международной рабочей помощи (Межрабпром) и других организаций. Первые официальные правительственные делегации появились во время празднования на Красной площади только в конце 1930-х гг. Это были представители Монгольской и Тувинской Народных Республик. В годы войны преобладал заочный обмен приветственными посланиями³⁶, а вот после ее окончания Политбюро ЦК ВКП(б) стало активно приглашать на праздничные мероприятия в Москву делегации из стран народной демократии (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии), а также представителей коммунистического, профсоюзного, антифашистского движения капиталистических и развивающихся стран (Австрии, Великобритании, Дании, Италии, Исландии, Кубы, Мексики, Нидерландов, США, Финляндии, Франции, Швеции и др.)³⁷. В последующие годы количество стран и число их представителей на советских торжествах постоянно увеличивались. До конца 1950-х гг. Москву для участия в торжествах по случаю 1 мая и 7 ноября регулярно посещали делегации Китайской Народной Республики и Албании, впоследствии вступивших на путь конфронтации с Советским Союзом. Более того, до начала конфронтации изображения лидеров этих двух стран (Мао Цзедун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Энвера Ходжи) были среди портретов руководителей братских стран социалистического блока, которые несли участники демонстраций на Красной площади³⁸.

Члены зарубежных делегаций, находившихся в СССР в период празднования Дня международной солидарности трудящихся и годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, приглашались на торжественные заседания и приемы, самые статусные из которых происходили в Большом Кремлевском дворце. Также для них организовывалась насыщенная гостевая программа, которая включала в себя различные официальные встречи, посещение концертов, спектаклей, выставок, спортивных праздников и массовых гуляний, а также поездки по Советскому Союзу. В этом случае продолжительность пребывания таких делегаций в СССР могла составлять 2–3 недели³⁹. Приглашение и прием зарубежных делегаций осуществлялись не только ЦК КПСС, но и по линии комсомола, профсоюзов, обществ дружбы, Советского комитета защиты мира и других советских организаций, но согласование данных вопросов с высшей партийной инстанцией было обязательным.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 213. Л. 79.

³⁵ Там же. Д. 212. Л. 84.

³⁶ Подробнее см.: «Помнит мир спасенный...». Поздравительные телеграммы и послания советскому народу. 1941–1945. М., 2021. 320 с.

³⁷ См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 208. Л. 1–3; Д. 209. Л. 1–4; Д. 223. Л. 1–3.

³⁸ Там же. Д. 209. Л. 97–98.

³⁹ См., например: Там же. Д. 210. Л. 6.

Во время парада и демонстрации по случаю празднования 40-летия Великого Октября 7 ноября 1957 г. на трибуну Мавзолея Ленина–Сталина было приглашено 25 почетных зарубежных гостей. Это были государственные и партийные руководители всех стран социалистической ориентации (в том числе Мао Цзедун и Энвер Ходжа), а также лидеры коммунистических партий Италии (Пальмиро Тольятти) и Франции (Морис Торез)⁴⁰. Однако степень единения партнеров по социалистическому блоку все же имела определенные пределы. Даже дружественные представители зарубежных стран, как правило, присутствовали на торжествах в качестве почетных гостей, но не участников парада или демонстрации. Так, в 1957 г. после достаточно активных дискуссий решено было отклонить инициативу венгерского лидера Я. Кадара об участии представителей вооруженных сил стран соцлагеря в военном параде на Красной площади по случаю 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции⁴¹.

В целом, на основе общего анализа документов из «праздничных» дел Политбюро/Президиума ЦК КПСС, можно сделать вывод, что эта инстанция в подавляющем большинстве случаев ограничивалась формальным согласованием сценарно-реквизитных вопросов, связанных с праздничными мероприятиями 1 мая и 7 ноября, делегируя их детальную разработку другим советским институциям. Более активной была роль высшего партийного руководства в организации тех аспектов празднования, которые касались участия зарубежных гостей. В то же время Политбюро/Президиум ЦК КПСС уделяло явно гипертрофированное внимание **дискурсивной составляющей** празднования.

Церемониал военного парада на Красной площади включал в себя краткую речь принимающего парад военачальника – как правило, министра обороны СССР. Текст данной речи, подготовленный в военном ведомстве при участии Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота СССР (ГлавПУР), также направлялся на согласование с Политбюро/Президиумом ЦК КПСС. Так, в апреле 1955 г. в проект речи министра обороны СССР Г.С. Жукова были внесены содержательные правки членами Президиума ЦК КПСС Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, В.М. Молотовым. Последний в том числе предложил фразу «союз рабочего класса и крестьянства» изменить таким образом: «ленинский союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса»⁴². Когда накануне 1 мая 1961 г. министр обороны СССР Р.Я. Малиновский предоставил текст своей речи на согласование высшей партийной инстанции, то в него были внесены определенные коррективы в связи с рекомендациями Отдела пропаганды и агитации по союзным республикам, а также Отдела административных органов ЦК КПСС. В частности, было обращено внимание на следующее: «В конце речи призывы, посвященные дню Первого мая..., даны в вольном изложении и не соответствуют призывам ЦК КПСС к 1 мая 1961 г. Полагаем, что, поскольку речь министра [обороны] носит общеполитический характер, упомянутые призывы необходимо дать в речи точно по тексту, утвержденному ЦК КПСС»⁴³.

Кроме текстов речей принимающих парад, на согласование в высшую партийную инстанцию всегда подавались и тексты приказов министров обороны СССР в связи с празднованием 1 мая и 7 ноября. В этих приказах содержались адресованные военнослужащим поздравления с праздником и перечислялись города, в которых будет произведен праздничный салют (с указанием количества залпов)⁴⁴. После официального утверждения этих документов их тексты в полном объеме публиковались на страницах советских газет.

Посещение праздничных мероприятий в Советском Союзе многочисленными зарубежными делегациями еще более увеличивало их дискурсивный резонанс. Прибытие, отъезд, содержательная часть программы пребывания делегаций в СССР широко освещались в прессе, что добавляло организационных хлопот советским партийным функционерам.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 240. Л. 61–62.

⁴¹ Махнырёв А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября... С. 70–71.

⁴² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 210. Л. 37, 44–48.

⁴³ Там же. Д. 212. Л. 93.

⁴⁴ См., например: Там же. Л. 31–32.

В «праздничных» делах Политбюро/Президиума ЦК КПСС можно найти многочисленные списки приглашенных зарубежных делегаций и копии писем-приглашений, программы их пребывания в стране, а также списки лиц, ответственных за их встречи и проводы⁴⁵.

Информационно-дискурсивный резонанс продолжался и после отъезда зарубежных гостей. По сложившейся традиции после своего возвращения на родину они направляли в адрес Политбюро/Президиума ЦК КПСС благодарственные письма и телеграммы. Так, члены побывавшей в СССР во время празднования в 1958 г. делегации французских коммунистов направили в ЦК КПСС письмо-благодарность не только за теплый прием, но и за предоставленную возможность «*видеть воочию* грандиозные достижения народа Советского Союза, *чувствовать солидарность* социалистического строя»⁴⁶.

Центральный комитет компартии контролировал и процесс подготовки ответов на поздравительные письма и телеграммы по случаю 1 мая и 7 ноября, которые в значительном количестве поступали от руководителей иностранных государств, представителей различных зарубежных политических партий и общественных организаций как непосредственно в ЦК КПСС, так и в адрес Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. В связи с этим утверждались «типовые» тексты ответов, указывались конкретные советские структуры, которые должны были «сердечно поблагодарить за поздравления» каждого конкретного адресата, а также определялось, какие из этих поздравлений и ответов на них должны быть опубликованы на страницах газет «Правда» и «Известия»⁴⁷.

Перед каждой годовщиной Октябрьской революции (обычно 6 ноября) Московский Совет депутатов трудящихся и Московский городской комитет КПСС организовывали торжественное заседание по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Аналогичные праздничные заседания проходили на всех уровнях, однако именно это московское мероприятие рассматривалось как главное, поскольку в нем принимало участие все высшее государственно-партийное руководство СССР. Местом проведения такого заседания до второй половины 1950-х гг. являлся Большой театр. Затем несколько лет для этих целей использовался открытый в 1956 г. Дворец спорта Центрального стадиона им. В.И. Ленина, а с начала 1960-х гг. – Кремлевский Дворец съездов, что позволило более чем вдвое увеличить количество участников. На праздничном заседании с пространным основным докладом, который в полном объеме публиковался на страницах «Правды», выступал один из высших советских государственно-партийных деятелей. Организационными моментами занимался Московский городской комитет КПСС, но кандидатура основного докладчика и текст его речи в обязательном порядке подлежали согласованию с высшей партийной инстанцией. Например, выступить на торжественном заседании по случаю 43-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции было поручено секретарю ЦК КПСС Флору Романовичу Козлову, который в тот период находился на пике своей политической карьеры. Характерно, что после представления 29 октября 1960 г. на рассмотрение членов Президиума ЦК КПСС первоначального проекта текста своего доклада, имевшего объем 27 страниц, он еще дважды (4 и 5 ноября) направлял на их согласование некоторые поправки в данный текст⁴⁸. Бюрократические механизмы внутри аппарата Центрального комитета были настроены таким образом, чтобы минимизировать возможность каких-либо экспромтов в официальных праздничных речах VIP-спикеров.

Если квинтэссенцией советской культуры политических праздников в сюжетном плане являлись массовые демонстрации трудящихся, то в дискурсивном плане это можно отнести к праздничным лозунгам/призывам ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Именно их тексты постоянно и повсеместно транслировались населению страны с помощью прессы, наглядной

⁴⁵ См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 240. Л. 1–73.

⁴⁶ Там же. Д. 211. Л. 113.

⁴⁷ См., например: Там же. Д. 249. Л. 1–11.

⁴⁸ Там же. Д. 250. Л. 1, 78–114.

агитации и устных выступлений. Утвержденные высшей партийной инстанцией лозунги/призывы к 1 мая и 7 ноября воспроизводились постоянно, в течение всего года. Просто накануне двух рассматриваемых нами «красных дней календаря» перечень лозунгов/призывов актуализировался, редактировался и обновлялся исходя из текущей внутренней и международной ситуации. Именно поэтому рассмотрение вопроса о процедуре их принятия и содержательном наполнении крайне важно для понимания процессов, связанных с политической культурой и политической коммуникацией в Советском Союзе.

Традиция утверждения высшим партийным руководством официального перечня лозунгов (с 1943 г. – призывов⁴⁹) к 1 мая и 7 ноября возникла в 1918 г. и существовала весь советский период. Как отмечалось в соответствующей статье Большой советской энциклопедии, в призывах ЦК КПСС «находит свое выражение внешняя и внутренняя политика КПСС и Советского правительства», а кроме того, с их помощью «сосредотачивается внимание трудящихся на самых важных и неотложных задачах коммунистического строительства»⁵⁰.

Вопрос утверждения текстов призывов составляет очень значительную часть «праздничного» документооборота Политбюро/Президиума ЦК КПСС в рассматриваемый нами период. Как следует из документов, формированием актуального списка призывов занимались отделы ЦК, непосредственно курирующие вопросы идеологии. При составлении призывов учитывались предложения других отделов, а также ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, министерств и ведомств⁵¹. В 1950–1960-е гг. количество первомайских призывов не было постоянным и варьировалось в достаточно широком диапазоне – от 47 (1953) до 113 (1965). Количество ноябрьских призывов в этот же период составляло от 55 (1968) до 112 (1965). При этом наблюдалась тенденция к значительному увеличению количества призывов в период с середины 1950-х до второй половины 1960-х гг., тогда как в начале 1950-х и конце 1960-х гг. их количество было значительно меньшим.

Независимо от общего количества призывов, в их перечне всегда можно логически выделить четыре последовательно идущих тематических блока:

1) традиционные вводные призывы («Да здравствует 1 Мая – день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!», «Слава Великому Октябрю, открывшему новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и торжества социализма!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.д.);

2) призывы международной тематики («Братский привет трудящимся Польской Народной Республики, строящим социализм! Да здравствует вечная, нерушимая дружба и сотрудничество между советским и польским народами!», «Горячий привет великому индийскому народу! Пусть крепнет дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Индии!», «Да здравствует дружба и сотрудничество между народами Советского Союза и Финляндской Республики!» и т.д.);

3) призывы внутрисоюзной тематики («Слава передовикам и новаторам производства, ударникам и коллективам коммунистического труда, идущим в первых рядах строителей коммунизма!», «Работники советской торговли и общественного питания! Боритесь за высокую культуру обслуживания населения, лучше изучайте спрос и полнее удовлетворяйте растущие потребности трудящихся!», «Да здравствуют Советы депутатов трудящихся – подлинно народные органы власти в нашей стране!» и т.д.);

4) универсальные итоговые призывы («Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма!», «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик – твердыня дружбы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира, демократии и социализма!», «Да здравствует созданная Лениным славная Коммунистическая партия Советского

⁴⁹ Возможная причина замены уже устоявшегося к тому времени термина – немецкое происхождение слова «лозунг» (нем. die Losung).

⁵⁰ Призывы ЦК КПСС // Большая советская энциклопедия: 3-е изд. М., 1975. Т. 20. С. 575.

⁵¹ См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 213. Л. 22; Д. 255. Л. 29.

Союза – великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!» и т.д.)⁵².

Характерной особенностью корпуса призывов 1950–1960-х гг., в отличие, например, от лозунгов 1930-х гг., являлось резкое увеличение дискурсивных единиц, относящихся к международному блоку, что явно коррелирует с новыми геополитическими реалиями глобального противостояния «холодной войны» и поддержания единства социалистического блока. Также, по сравнению с 1930-ми гг., к началу 1950-х гг. (т.е. еще до смерти «вождя народов») полностью исчезают призывы в виде прямых цитат из трудов В.И. Сталина (в первомайских лозунгах 1935 г. их было 7)⁵³. Непосредственно в текстах призывов к 1 мая и 7 ноября единичные упоминания Сталина сохраняются вплоть до 1 мая 1956 г., когда заключительный призыв «Под знаменем Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!» был переформулирован таким образом: «Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!»⁵⁴.

Подаваемый на утверждение Политбюро/Президиума перечень призывов зачастую содержал уточнение относительно степени новизны каждого из них (например: «майский _ года», «октябрьский измененный», «измененный майский _ года», «новый»)⁵⁵. Безусловно, новые призывы откликались на актуальные вызовы внутренней и внешней политики, а их формулировка из-за насыщенного идеологического содержания требовала значительного дискурсивного мастерства, иногда переходившего даже в «дискурсивную эквилибристику». Так, среди новых первомайских призывов, представленных на утверждение Президиума ЦК КПСС 11 апреля 1957 г., был следующий: «Братский привет трудящимся Венгерской Народной Республики, разгромившим заговор внешней и внутренней контрреволюции!»⁵⁶. Но на страницах газеты «Правда» этот призыв был опубликован уже в «сглаженном» виде, без упоминания о контрреволюции в одной из стран социалистического лагеря⁵⁷. Также был переформулирован призыв, обращенный к советским строителям. В проекте он был сформулирован в несколько популистском стиле: «Советские строители! Стройте больше новых, хороших квартир для трудящихся!»⁵⁸, а опубликован уже в такой редакции: «Советские строители! Повышайте темпы и качество строительства новых промышленных предприятий, жилых домов, больниц, школ и других культурных учреждений!»⁵⁹.

В октябре 1962 г. по инициативе Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в качестве эксперимента был утвержден «дублирующий» список призывов к 7 ноября с более краткими формулировками. Заместитель заведующего этим отделом В.И. Снастин обратил внимание членов Президиума ЦК КПСС на предпочтительность использования именно лаконичных формулировок, причем даже приложил к своей записке «для сведения» лозунги ЦК, использовавшиеся при жизни В.И. Ленина – именно как образец такой четкости и краткости⁶⁰. Однако данная инициатива не имела никаких заметных последствий. Уже в следующем, 1963 г. основная работа по редактированию первоначального варианта ноябрьских призывов, наоборот, зачастую заключалась в их расширении. Так, лаконичный призыв прошлых лет «Да здравствует единство и сплоченность великой армии коммунистов всего мира!» теперь звучал таким образом: «Да здравствует единство и сплоченность великой

⁵² Примеры взяты из публикаций: Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1960 года // Правда. 1960. 10 апреля; Призывы ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1960. 13 октября.

⁵³ Подсчитано по: Лозунги к 1 мая 1935 года // Правда. 1935. 23 апреля.

⁵⁴ Призывы ЦК КПСС к 37-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1954. 24 октября; Призывы ЦК КПСС к 39-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1956. 25 октября.

⁵⁵ См., например: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 211. Л. 23–31.

⁵⁶ Там же. Л. 24.

⁵⁷ Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года // Правда. 1957. 21 апреля.

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 211. Л. 29.

⁵⁹ Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1957 года // Правда. 1957. 21 апреля.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 255. Л. 29.

армии коммунистов всего мира на основе Декларации и Заявления Московских совещаний! Да здравствует вечно живое, всепобеждающее марксистско-ленинское учение!»⁶¹. И если к 7 ноября 1918 г. на страницах газеты «Правда» было опубликовано всего 17 официальных праздничных лозунгов, то к 7 ноября 1963 г. их количество составило уже 109⁶². Впрочем, имели место и обратные случаи. Так, при редактировании ноябрьских призывов 1965 г. в призыве, обращенном к советской молодежи, была опущена фраза «направляйте вашу кипучую молодую энергию и труд на великое дело строительства коммунизма»⁶³. А в юбилейном 1967 г. произошел резкий «секвестр» ноябрьских призывов – по сравнению с предшествующим годом их количество сократилось со 108 до 57⁶⁴.

По мнению исследователя М.А. Хевеши, несмотря на то, что лозунги-призывы всегда спускались «сверху», они своими формулировками способствовали тому, что советские граждане чувствовали себя «хозяевами» и «творцами истории»⁶⁵. Достижение такого эффекта достигалось за счет адресности призывов внутрисоюзного блока – большинство из них было напрямую обращено к конкретным социально-профессиональным группам (работникам различных отраслей промышленности, транспорта, сферы услуг, строителям, колхозникам, служащим, инженерно-техническим, научным, медицинским работникам, деятелям искусств и т.д.). В то же время, в отличие от лозунгов второй половины 1930-х гг. и периода Великой Отечественной войны, исчезает адресация к представителям отдельных родов войск и воинских специальностей (пехотинцам, танкистам, артиллеристам, связистам, кавалеристам, летчикам) – используется обобщенный призыв: «Воины Советской Армии и Флота! Настойчиво повышайте свои военные и политические знания, совершенствуйте свое боевое мастерство, овладевайте новейшей боевой техникой и современным вооружением!»⁶⁶. С 1965 г. появился призыв, специально обращенный к ветеранам: «Ветераны труда и войны! Активнее участвуйте в общественно-политической жизни страны, в воспитании молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа!»⁶⁷.

В отличие от лозунгов 1920-х гг., праздничные призывы послевоенных десятилетий уже не обличали негативные явления (бесхозяйственность, бюрократизм, беспорядочность и пр.) внутри советского общества⁶⁸ и не клеймили позором негативных персонажей советского агитпропа (хулиганов, тунеядцев, «летунов», «рвачей» и т.д.). Благодаря этому создавался эффект благостного единства советского общества, а отрицательные коннотации переносились на внешних фигурантов – империалистов, колонизаторов, «поджигателей новых войн» и пр. Редким исключением стал лишь использовавшийся в 1960–1964 гг. призыв: «Трудящиеся Советского Союза! Всемерно укрепляйте социалистическую собственность – основу дальнейшего роста могущества нашей страны и благосостояния народа! Боритесь за неуклонное претворение в жизнь принципа социализма: “Кто не работает, тот не ест!”», появившийся на фоне проведения хрущевской кампании по борьбе с нетрудовыми доходами⁶⁹.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 258. Л. 51–52.

⁶² Лозунги к октябрьским торжествам // Правда. 1918. 1 ноября; Призывы ЦК КПСС к 46-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1963. 17 октября.

⁶³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 266. Л. 63.

⁶⁴ Призывы ЦК КПСС к 49-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1966. 18 октября; Призывы ЦК КПСС к 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1967. 15 октября.

⁶⁵ Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода: изд. 2-е, доп. М., 2004. С. 8–9.

⁶⁶ Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1955 года // Правда. 1955. 21 апреля.

⁶⁷ Призывы ЦК КПСС к 48-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 1965. 23 октября.

⁶⁸ Глебкин В. Ритуал в советской культуре... С. 106–107.

⁶⁹ Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1961 года // Правда. 1961. 9 апреля. Характерно, что фраза «Кто не работает, тот не ест» вошла и в «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый в 1961 г.

Таким образом, знакомство с тематическими документами Политбюро/Президиума ЦК КПСС позволяет сделать вывод о том, что в 1950–1960-е гг. вопросы организации празднования 1 мая и 7 ноября требовали обязательного согласования высшей партийной инстанции в той части, которая касалась проведения важнейших официальных мероприятий праздничного сценария (военный парад и демонстрация трудящихся на Красной площади, торжественное заседание Моссовета по случаю годовщин Великой Октябрьской социалистической революции), а также была связана с приглашением и приемом зарубежных делегаций. Такой порядок существовал в позднесталинский период и оставался неизменным на протяжении последующих десятилетий. Очевидно, что наряду с презентационными, консолидирующими и мобилизационными задачами празднования главных политических праздников Советского Союза его руководители с особым вниманием относились к тому, что можно назвать особым «дискурсивным порядком» или «дискурсивным режимом» празднования. На основе изученного нами корпуса документов создается впечатление, что именно в редактировании перечня праздничных призывов, уточнении формулировок в проектах праздничных приказов, текстов речей и ответов на поздравительные письма наиболее полно проявлялась «дискурсивная власть» членов Политбюро/Президиума ЦК КПСС. И эти дискурсивные игры, которые, как справедливо отмечает А. Юрчак, были все менее публичными и все более консервативными⁷⁰, занимали гораздо больше времени и внимания высших партийных функционеров, нежели вопросы, связанные с содержанием праздничных сценариев и их материально-техническим обеспечением. Именно поэтому базовые формы советской «праздничной хореографии», связанные с 1 мая и 7 ноября, несмотря на смену нескольких политических лидеров (И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева), оставались практически неизменными на протяжении нескольких десятилетий, лишь подвергаясь некоторой «лакировке» внешних форм, как в случае с постепенным исключением изображений и упоминаний Сталина после его смерти. Некоторые потенциальные новации (вроде упоминавшейся попытки отказа от использования на праздниках портретов политических деятелей в 1953 г. или инициативы по достижению «ленинской лаконичности» призывов в 1962 г.) возникали крайне редко и практически сразу «сворачивались», не успев оставить серьезных последствий в официальной праздничной культуре.

Литература

«Помнит мир спасенный...». Поздравительные телеграммы и послания советскому народу. 1941–1945 / сост. И.А. Пермяков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Фонд «Связь эпох», 2021. 320 с.

Азарова П.Е. Праздничные лозунги 1920–1930-х гг. в советской системе социальной мобилизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 264–268.

Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.

Голубев А.В. Западный взгляд и западный наблюдатель в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. ст. / под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2018. С. 219–253.

Деннингхаус В., Савин А.И. Леонид Брежнев: публичность против сакральности власти // Российская история. 2012. № 4. С. 179–194.

Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.

⁷⁰ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 108–111.

Мальшиева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.

Мальшиева С.Ю. Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. Вып. 1 (44). С. 138–147.

Махнырёв А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 160 с.

Нечипорук Д.М. «Московский Первомай – это рутина»: освещение американской прессой празднования 1 Мая как ритуального действия (1965–1985 гг.) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 46–52 [Электронный ресурс]. URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (дата обращения: 25.09.2021).

Никонова О.Ю. Первый послевоенный юбилей Октябрьской революции в Центральной и Восточной Европе // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 3. С. 743–757.

Попов А.Д. Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2021. № 3 (54). С. 29–37.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Суржикова Н.В., Шишкин А.А. Между новацией и традицией: праздник Великого Октября в послевоенном Молотове // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4 (33). С. 230–241.

Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.

Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода: изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2004. 192 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 123–141.

McDowell J. Soviet Civil Ceremonies // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1974. Vol. 3. № 13. P. 265–279.

Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.

References

Azarova, P.E. (2010). Prazdnichnye lozungi 1920–1930-kh gg. v sovetskoy sisteme sotsial'noy mobilizatsii [Festive Slogans of the 1920–1930s in the Soviet System of Social Mobilization]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 9, Iss. 1, pp. 264–268.

Barysheva, E.V. (2020). “V veselom grokhote, v ogn'yakh i zvonakh”: sovetskiy prazdnik v sotsial'nom konstruirovanii novogo obshchestva [“In a Cheerful Rumble, in Lights and Jingles”: a Soviet Holiday in the Social Design of a New Society]. Moscow, RGGU. 192 p.

Bordyugov, G.A. (2010). *Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. Cult of Jubilees in Memory Space]. Moscow, AIRO-XXI. 256 p.

Denningkhaus, V., Savin, A.I. (2014). Leonid Brezhnev: publichnost' protiv sakral'nosti vlasti [Leonid Brezhnev: Publicity vs. Sacredness of Power]. In *Rossiiskaia istoriia*. No. 4, pp. 179–194.

Glebkin, V. (1998). *Ritual v sovetskoy kul'ture* [Ritual in Soviet Culture]. Moscow, Yanus-K. 168 p.

Golubev, A.V. (2018). Zapadnyy vzglyad i zapadnyy nablyudatel' v affektivnom menedzhmente sovetskoy sub'ektivnosti [Western View and Western Observer in Affective Management of Soviet Subjectivity]. In *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub'ektivnost' (1953–1985): sbornik statey*. St. Petersburg, Izd-vo EU St. Petersburg, pp. 219–253.

Kelli, K., Sirotnina, S. “Bylo neponyatno i smeshno”: prazdniki poslednikh desyatiletii sovetskoy vlasti i vospriyatie ikh det'mi [“It Was Incomprehensible and Ridiculous”: the Holidays of the

Last Decades of Soviet Power and the Perception of Them by Children]. In *Antropologicheskii forum*. No. 8, pp. 258–299.

Kheveshi, M.A. (2004). *Tolkovyy slovar' ideologicheskikh i politicheskikh terminov sovetskogo perioda* [An Interpretive Dictionary of Ideological and Political Terms of the Soviet Period]. Izd. 2-e, dop. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 192 p.

Makhnyrev, A.L. (2019). *30 i 40 let Velikogo Oktyabrya: chto otrazilos' v zerkalakh yubileev revolyutsii?* [30 and 40 Years of the Great October: What Was Reflected in the Mirrors of the Jubilees of the Revolution?]. Moscow, St. Peterburg, Nestor-Istoriya. 160 p.

Malysheva, S.Yu. (2005). *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet Holiday Culture in the Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)]. Kazan', Ruten. 400 p.

Malysheva, S.Yu. (2019). Evolyutsiya istoricheskoy mifologii “noyabr'skikh” prazdnikov v Rossii [Evolution of the Historical Mythology of the “November” Holidays in Russia]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Iss. 1 (44), pp. 138–147.

McDowell, J. (1974). Soviet Civil Ceremonies. In *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 3, no. 13, pp. 265–279.

Nechiporuk, D.M. (2020). “Moskovskiy Pervomay – eto rutina”: osveshchenie amerikanskoj pressoj prazdnovaniya 1 Maya kak ritual'nogo deystviya (1965–1985 gg.) [“Moscow’s May Day is Routine”: the USA Press Coverage of International Workers’ Day in Moscow as a Ritual Procession, 1965–1985]. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. No. 2, pp. 46–52. Available at: URL: https://magistravitaejournal.ru/images/2_2020/46-52.pdf (date of access: 25.09.2021).

Nikonova, O.Yu. (2019). Pervyy poslevoennyj yubiley Oktyabr'skoy revolyutsii v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope [The First Post-War Anniversary of the October Revolution in Central and Eastern Europe]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 9, No. 3, pp. 743–757.

Permyakov, I.A., Dzhaliylov, T.A., Pivovarov, N.Yu. (Eds.) (2021). “Pomnit mir spasenny...”. *Pozdravitel'nye telegrammy i poslaniya sovetskomu narodu. 1941–1945* [“Remembers the World Saved...” Congratulatory Telegrams and Messages to the Soviet People. 1941–1945]. Moscow, Fond “Svyaz' epokh”. 320 p.

Petrone, K. (2000). *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington, Indiana University Press. 280 p.

Popov, A.D. (2021). Kosmicheskij supergeroy: vzniknovenie kul'ta Yuriya Gagarina v kontekste vzaimootnosheniy vlasti i obshchestva v SSSR [Space Superhero: Formation of the Cult of Yuri Gagarin in the Context of the Relationship Between Authorities and Society in the USSR]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (54), pp. 29–37.

Rol'f, M. (2009). *Sovetskie massovyje prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow, ROSSPEN. 438 p.

Surzhikova, N.V., Shishkin, A.A. (2019). Mezhdumovatsiy i traditsiy: prazdnik Velikogo Oktyabrya v poslevoennom Molotove [Between Innovation and Tradition: the Feast of the Great October in the Post-War Molotov]. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. Vol. 15, No. 4 (33), pp. 230–241.

Tikhonov, V.V. (2017). Revolyutsiya 1917 g. v kommеморативnykh praktikakh i istoricheskoy politike sovetskoy epokhi [The 1917 Revolution in Commemorative Practices and Historical Politics of the Soviet Era]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 92–112.

Yakobson, S., Lassvell, G. (2007). Pervomayskie lozungy v Sovetskoy Rossii (1918–1943) [May Day Slogans in Soviet Russia (1918–1943)]. In *Politicheskaya lingvistika*. Iss. 1 (21), pp. 123–141.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021 г.